

Москва

2
2017

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив

журнала «Москва»

2

2017

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Ольга СУХАНОВА. <i>Звезды на дне колодца... Стихи</i>	3
Андрей ВОРОНЦОВ. <i>Последний хеллувин маршала. Роман</i>	10
Лилия ГАЗИЗОВА. <i>Возвращение домой. Стихи</i>	70
Ирина САБЕННИКОВА. <i>Это однажды случилось. Рассказы</i>	74
Любовь КАЛЮЖНАЯ. <i>«Я хотел бы улыбнуться...». Рассказы</i>	84
Ольга ГАВРИЛИНА. <i>Римский снег. Рассказ</i>	101

ПУБЛИЦИСТИКА

Денис МАЛЫЦЕВ. <i>Полузабытые могилы</i>	108
Константин ЗАЛЕССКИЙ. <i>Русские герои Великой войны</i>	113
Анна НИКОЛАЕВА. <i>Русские и болгары</i>	119
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. <i>Зрада, ганьба, перемога...</i>	123

КУЛЬТУРА

К 50-летию первой публикации «Мастера и Маргариты» в журнале «Москва»

Платон БЕСЕДИН. <i>Изъяты сердцевины</i>	130
Александр СЕГЕНЬ. <i>А где любовь?</i>	135
Виктор СЕНЧА. <i>«Невольник чести», или Роковая дуэль</i>	140
Вячеслав КИКТЕНКО. <i>Николай Тряпкин и еще...</i>	168
Галина ЩЕРБОВА. <i>То, что наводит на размышления</i>	174
Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. <i>«Копите любовь в сердцах ваших»</i>	181
Наталья и Лев АНИСОВЫ. <i>Русские художники</i>	186

РУССКИЕ СУДЬБЫ

Николай ГОЛОВКИН. *Дом в Китай-городе. Окончание* 198

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Алексей МИНКИН. *Тот творческий и духовный Петровский* 219

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Священник Валерий ДУХАНИН. *Бог рядом:*

живые истории Божественного Промысла 226

Протоиерей Димитрий СМИРНОВ. *Сретение Господне. Проповедь* 234

Владимир КРУПИН. *Нашей державе нужен державный монастырь* 239

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Заместитель главного редактора М.М. ПОПОВ (495) 691-71-10

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ,

М.Б. СМОЛИН (председатель), епископ ТИХОН (ШЕВКУНОВ),
И.Р. ШАФАРЕВИЧ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 16.01.17. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Тираж 1480 экз. Заказ 267-2017.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: **73253** — каталог РОСПЕЧАТЬ, **15612** — «Пресса России», **45211** — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда». 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62. Сайт: www.redstarph.ru; e-mail: kr_zvezda@mail.ru. Заказ № 5756-2016.

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 2, 2017

ЗВЕЗДЫ НА ДНЕ КОЛОДЦА...

* * *

Прикатит ночь в скрипящей колымаге,
тяжелые пригонит облака.
Твой силуэт из бархатной бумаги
неведомая вырежет рука.

Монетный профиль, дерзкая осанка,
из-под ресниц — то молнии, то гром.
И, вся в шелках, красotka горожанка
наклеит силуэт себе в альбом.

А от листка бумаги после ночи
останутся лишь рваные края
да мелкие изрезанные клочья
ненужные. И это буду я.

Кармен

Диким пламенем, жгучей паприкой,
битой картою — всем была.
«Эй, оторва с табачной фабрики,
как теперь у тебя дела?»

Ольга Анатольевна Суханова родилась в г. Мытищи Московской области. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького (семинар прозы Л.Е. Бежина).

Печаталась в газете «Литературный базар», в журналах «Кольцо А», «Работница», в различных альманахах и сборниках, в литературном интернет-журнале «Эрфольг» и на портале Textura.by. Автор сборника стихов «Невозвратный тариф».

Лауреат первой премии «Поэт года» за 2015 год, финалист Всероссийского поэтического конкурса «Золотой микрофон», лауреат премии «Образ» (2015), финалист программы «Вечерние стихи».

Живет в г. Химки Московской области.

По лицу смоляными волнами
хлещут локоны, губы в кровь,
да звенят все карманы, полные
наворованных перстеньков.

Все смеяться да своевольничать,
а любить — чересчур горда.
Слышишь, точат ножи разбойничьи?
Видишь пламя? Тебе туда.

Сырники

Мамин рецепт — с изюмом,
Медом и курагой.
Как о тебе ни думай —
Ты все равно другой.
В окна порыв норд-веста —
Бешено, по-мужски.
Липнет к ладоням тесто,
Надо еще муки.
Краем стекольным, бритвой
Строчки в письме. Прочти.
Есть за тебя молитва,
Нет за тобой пути.
Ни в кандалах к острогу,
Ни босиком в пургу...
Сырников на дорогу —
Что я еще могу?
Ехать тебе неблизко.
Поезд, вокзал, огни.
С горкою вышла миска.
Боже тебя храни.

* * *

Небо, небо. Крыши, крыши.
Сколько зрителей вокруг!
Закрепить канат — повыше,
Чтобы сразу, если вдруг.

Под ногами — лучик шаткий.
В горле горький ком возник.
И от неба до брусчатки —
Только выдох, только миг.

Возле облака, как птица,
Пляшешь — как в последний раз.
Да, когда-нибудь случится.
Не сегодня, не сейчас.

Ветер листья запылет,
 Дрогнет старенький канат,
 Ахнет рыночная площадь.
 Нет, никто не виноват.

Свист толпы, цветов охапки,
 Звон восторженных хлопков,
 Перевернутая шапка
 Тяжела от медяков.

Монетка

Отмахнулась я от всерьез любивших.
 Для того дышу, кто меня не видит.
 На мосту под ветром застыла нищей.
 Приняла как есть. Не держу обиды.
 Трескаются губы, да руки в цыпках.
 Ты пройди по мостику, мой хороший,
 Отведи глаза, оборви улыбку
 И швырни в стакан мне дырявый грошик.
 Ни на что твой грошик я не потрачу,
 На шнурке повешу его на шею.
 А потом судьбу поверну иначе
 И тебя забуду — смогу, сумею.
 Перееду в Богом забытый город —
 Дом, у дома сад, за окошком ветки.
 Но всегда носить мне под горло ворот
 И скрывать ожог от твоей монетки.

Осень

В сентябре над рекою играют-пылают цвета:
 Ярко-рыжие листья, а с неба — отчаянно-синий.
 Птичьих криков не слышно. Тропинка к обрыву пуста.
 Лишь седая монашка стоит, прислонившись к рябине.
 Невысокая, ладная. Видно балетную стать.
 И стоит, и молчит, только смотрит спокойно и прямо.
 И сухие глаза, и колышется по ветру прядь,
 И на тонких запястьях почти незаметные шрамы.

* * *

Электричка ползет осторожно.
 Грязный тамбур. Чужой разговор.
 Чья-то девочка смотрит в окошко,
 Тербя светло-русый вихор.
 Пальцы так беззащитны и тонки,
 На косынке тесьма по краям...

...Я придумаю, что у девчонки
Твой вихор. А улыбка — моя.

* * *

Проклянешь всю силлаботонику —
что в ней толку — скулить в тоске? —
и устанешь висеть на тоненьком,
долго рвущемся волоске.
Счастье шагом спешит улиточьим,
мир качается на оси.
Ты устала висеть на ниточке?
Ну сорвись уже, не виси.

* * *

...А тоска не омут, тоска — стена:
утонуть бы к черту, да нету дна.
Пропадать с улыбкой — хороший тон.
Вот тебе стена — разбегись в бетон.
Если мир за стеклами сер да хмур —
вот тебе огонь и бикфордов шнур.
Не забудь — с улыбкой! Давай, вперед.
Утром выйдет дворник и уберет.

* * *

Там не сад за тенистыми кущами,
там девятый клокочущий вал:
там, в раю, дожидаются ждущие —
кто царапался, дрался и ждал.
Там их лупят снегами и ливнями,
но, преграды круша на пути,
параллельные сходятся линии,
чтобы вместе немного пройти.

* * *

Все вернется другим сюжетом,
Мойры спутают нить свою:
Мы простимся, спасаясь, в этом —
И столкнемся в другом краю.
Будь как будешь — женат ли, холост, —
Но скажи мне хоть слово вслед.
Обещаю узнать твой голос
Через несколько тысяч лет.

* * *

А от школьной любви мне осталось смешное послание
Круглым Вовкиным почерком. Май, самолетик в окно...

Мы сопели вдвоем над несносным домашним заданием
И, не выучив стих, убегали с продленки в кино.

Все бывало. Швыряло порой от небес до бессилия.
Я прощала, терпела, но втайне хотела тепла.
А от взрослой любви мне осталась чужая фамилия
И кольцо. Я с фамилией свыклась, кольцо продала.

А от этой любви даже пепла, и то не останется:
Все развеется ветром, пройдет, заживет по весне.
Снимут швы, все забуду, пойду удивленной странницей.
Ничего-то и не было. Не было, не было, не...

Кораблик

...И, не дождавшись от тебя письма,
я твой ответ придумаю сама
и почерком стремительным твоим
все напишу. На штампе будет Рим,
а может, Кёльн, а может, Амстердам.
Я никому письма прочесть не дам —
но стану, правду ото всех тая,
носить с собой. Истребятся края,
потом с годами выцветут слова,
но будет подпись, видная едва.
Когда пройдет последняя зима,
я сделаю кораблик из письма
и в сторону случайную, ничью
по звонкому апрельскому ручью
его пушу. В Америку, в Тибет,
в Европу ли, — он выплывет к тебе.

* * *

Ржавая вода прибывает, льется —
По холодным стенкам, сырой земле.
Говорят, что звезды со дна колодца
Всем и ближе кажутся, и светлей.
Я звезду окликну, но дрогнет голос.
Может, хоть на цыпочках дотянусь.
А вода все выше — уже по пояс,
А звезда все ближе — вот-вот коснусь.
И колодец тянет на дно, как омут,
И вверху так ярко горит звезда.
Я ее успела губами тронуть,
Прежде чем мне хлынула в рот вода.

* * *

А слово будет острым, как игла,
 Ты скажешь мне — спасибо, что ждала,
 Что даже не смотрела на других.
 Ударит ветер, холоден и лих,
 Я промолчу и просто спрячу взгляд.
 Дурак. За верность не благодарят.

* * *

Просто времени нет для геройства —
 Поздно. Пользуйся шансом. Любим.
 К черту гордость. Отплачься, умойся.
 И хоть раз попроси у судьбы.
 Твой виш-лист из единственной строчки —
 Только то, без чего не прожить.
 ...Странный номер — не цифры, а точки,
 Странный голос — скрипит, дребезжит...
 Там — за далью, за высью, за дверью —
 Повторяют в бесчисленный раз:
 — Ожидайте на линии. Верьте.
 Ваш звонок очень важен для нас.

* * *

А когда поймешь, что крылья тают, —
 будет высоко. Не повернуть.
 Возле солнца дымка золотая,
 усмехаясь, озаряет путь.
 Рухнуть сразу или побороться?
 Взмах крыла — и жизнь еще пошлет
 и полет, который ярче солнца,
 и паденье — ярче, чем полет.

Кольцо

И поется мне звонко, и смотрится вдаль,
 И не снится никто, и нигде не болит.
 У меня на плечах васильковая шаль,
 И кольцо на руке, и в серьгах лазурит.

Пусть бескрайней разлукой пугает судьба,
 И тревожной дорогой, и близким концом, —
 Темный локон рукою отброшу со лба,
 Улыбнусь и тайком поцелую кольцо.

Поцелую кольцо — исчезает печаль.
 И задорна улыбка, и легок мой шаг.
 На плечах у меня васильковая шаль,
 А в серьгах лазурит, а в колечке мышьяк.

* * *

Где у других луга — мне снега белые,
Где у других трава — мне коварный лед.
Господи Боженька, что я не так делаю?
Как ни вздохну — то промах, то недолет.

Нет, не жалею, дорогу сама выбрала.
Как выбирала — в дурмане была, в бреду?
Господи Боже, зачем Ты меня выдумал?
Если хотел проверить — так я дойду.

Знаешь, пугает дорога тысячемильная,
Страшно, когда не видишь конца пути.
Я бы сдалась. Но уж раз Ты меня сильною —
Что остается? Отплакаться и идти.

* * *

Привычный путь, стотысячное лето,
Бескрайнее дороги полотно.
По пересадкам, по багажным лентам
Любовь моя изношена давно.
Истрепана на паспортном контроле, —
Куда ни ткни, повсюду синяки, —
Но держится, и притерпелась к боли,
И дышит — всем прогнозам вопреки.
И ждет с надеждой ласкового слова,
И знает про запретную черту.
Я прилетаю ночью, в полвторого.
Никто не встретит в аэропорту.

АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

ПОСЛЕДНИЙ ХЕЛЛУВИН МАРШАЛА

Андрей Венедиктович Воронцов родился в 1961 году в Подмоскowie. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор романов «Огонь в стене» («Шолохов»), «Тайный коридор», «Необъяснимые правила смерти», «Называйте меня пророком» («Будущее не продается»), многочисленных критических статей о русской литературе и публицистических статей о русской истории и других произведений.

Секретарь правления Союза писателей России. Доцент кафедры литературного мастерства Литературного института им. А.М. Горького. Сопредседатель Крымской региональной организации СПР.

Лауреат Булгаковской (2004) и Кожинской (2009) премий, общероссийской премии «За верность Слову и Отечеству им. А.Дельвига».

РОМАН

Кухарка, застав, хотела поднять руку для крестного знамения, но Азazelло грозно закричал с седла:

— Отрежу руку! — он свистнул, и кони, ломая ветви лип, взвились и вонзились в низкую черную тучу.

*Михаил Булгаков.
«Мастер и Маргарита»*

Пролог. Гостя с того света

В тот год, когда пропавшие дети уже исчислялись десятками, в ворота маршала Франции Жиля де Реца постучала Жанна д'Арк, сожженная восемь лет назад. От такого и маршалу недолго поседеть, но он даже не сильно удивился: воскресшая Орлеанская Дева разезжала по Франции уже три года и была вообще-то уже не Девой, поскольку успела выйти замуж и родить двух сыновей.

Впервые же она появилась 21 июня 1436 года в доме некоего Николая Лува из Гранж-оз-Орме в Лотарингии. Что испытал Лув при встрече с ожившей покойницей, история умалчивает, но, очевидно, его не хватил кондратий, коли он смог рассказать об этом.

Так началась история второй Жанны д'Арк. Эти «Жанны» впоследствии восставали из пепла одна за другой, вроде как у нас Лжедмитрии, но первая произвела самое сильное впечатление. Раз за разом, с пугающим постоянством, в ней признали подлинную Жанну соратники и родные: братья Жан и Пьер, Николай Лув, Робер Буле, Николай Груанье, герцогиня Елизавета Люксембургская, Робер дез Армуаз (знавший Жанну еще в детстве), орлеанские патриции Жан Луилье и Теванон де Бурж и, наконец, Жиль де Рец.

А ведь самозванцу добиться полного сходства с кем-либо в ту пору было делом нелегким, поскольку

для сравнения необходим хотя бы портрет оригинала, а их писали редко, по заказу знати, причем копий, как в эпоху книгопечатания, не делали. Но Жанне из Гранж-оз-Орме не приходилось никого особенно убеждать, что она чудом спасаяся Жанна д'Арк (да и называла она себя поначалу Клод), — ее просто с ходу узнавали.

А когда в Марвиле на праздник Троицы ей подарили боевого коня, она его тут же уверенно оседлала, что мог сделать не всякий мужчина, если не служил в кавалерии. Совпадали и особые приметы: у Жанны-Клод были красная родинка за правым ухом и шрамы от ранений, как у Жанны д'Арк. Однако те, кто в ту пору общался с ней, впоследствии почему-то начинали путаться, когда речь заходила об ее чудесном спасении. Якобы она рассказывала, что англичане ее не сожгли, а четыре года держали в заточении, но как она из него вырвалась, осталось тайной. Впрочем, тайной было и то, каким чудом Жанна д'Арк не разбилась насмерть в 1430 году, прыгнув с верхнего яруса 21-метровой башни Бореувар в Бургундии.

Власти, начиная с короля, пребывали в растерянности: двойник национального героя — всегда серьезная политическая проблема, но что они могли поделать, если народ ходил за Жанной-Клод толпами? Путь ее по городам Франции был триумфален, но апофеозом стало посещение Орлеана, спасенного Жанной д'Арк в 1429 году. Жанна из Гранж-оз-Орме, уже носившая фамилию мужа, рыцаря Робера дез Армуаза, прибыла туда в июле 1439 года, как раз после того, как в мае широко отметили десятилетнюю годовщину снятия осады города.

Огромные толпы народа восторженно приветствовали женщину и ее братьев. Улицы, по которым они следовали в магистрат, были сплошь увешаны дорожными хоругвями. Отцы города Жан Луилье и Теванон де Бурж, помнившие прежнюю Жанну, дали в честь почетной гостьи и ее братьев грандиозный пир на весь Орлеан, на котором «за добрую службу, оказанную ею указанному городу во время осады», новой ипостаси Жанны преподнесли серебряное блюдо, доверху наполненное золотыми монетами.

По пути из Орлеана к себе в Лотарингию Жанна дез Армуаз сделала изрядный крюк и заехала в замок Машкуль на южном берегу Луары, к отошедшему от военных и политических дел 35-летнему маршалу Франции Жилю де Рецу, дравшемуся вместе Жанной д'Арк под Орлеаном, Жаржо, Мён-сюр-Луаром, Божанси, Пате, Парижем.

Маршал, конечно, даже в своем машкульском уединении слышал о ее возвращении, но не пытался ни связаться с ней, ни просто удостовериться, насколько правдивы слухи о Жанне-2. Может быть, он настолько не верил им, что считал проверку бессмысленной тратой времени, а может, в отставке ему все стало безразлично. Тогдашний замкнутый образ жизни барона де Реца вроде бы подтверждал это, но... только вроде бы. Ведь именно Жилю де Рецу да жителям Орлеана Франция обязана почитанием Жанны д'Арк в то время, когда католическая церковь еще считала ее ведьмой и еретичкой.

В Орлеане каждый год 8 мая проходили официальные празднества в ее честь и служились заупокойные мессы по ней, а 8 мая 1435 года в городе началось грандиозное представление «Мистерии об осаде Орлеана», написанной Жаком Милле, а поставленной и оплаченной Жилем де Рецем. История мирового театра не много знает подобных пьес: в ней было двадцать с половиной тысяч стихов и около пятисот действующих лиц, начиная с Самого Господа Бога. Тем не менее центральная роль принадлежала Орлеанской Деве, но была и немаленькая роль для Жилия, которую

советник короля не гнушался играть сам. Представление и сопутствующие торжества продолжались целый год, что влетело барону в копеечку, а именно в 80 000 эку (а за 100 000 в то время можно было купить большой и хорошо укрепленный замок или два небольших). Любопытно, что Жанна дез Армуаз появилась в Лотарингии именно тогда, когда завершились орлеанские гастроли мистерии, — в конце мая 1436 года.

А летом 1439 года, будучи в Орлеане, Жанна дез Армуаз попросила отцов города и священство отменить ежегодные заупокойные службы по Жанне д'Арк, на что получила смущенный ответ, что большая часть месс оплачена маршалом де Рецем и отменить их они не в силах. Вероятно, это стало одной из причин, по которой Дама дез Армуаз отправилась к нему в Машкуль, а может быть, это была часть политической интриги, задуманной ею и Робером дез Армуазом, дворянином знатным, но небогатым.

В Машкуле, по слухам, Жанну-2 ждала новая удача — не исключено, что самая важная в ее поразительной эпопее. Пребывавший до того в апатии де Рец не просто признал в ней прежнюю Жанну и отменил заупокойные мессы, но сделал то, что, может быть, являлось сокровенным желанием Армуазов: пообещал устроить встречу Дамы дез Армуаз с королем в сентябре, когда тот придет в Орлеан на заседание выборных от сословий — Генеральных Штатов. Воодушевившийся Жиль пошел дальше: предложил Жанне-2 снова отправиться вместе на войну с англичанами, как десять лет назад. Неизвестно, совпадало ли это с желаниями Армуазов, но Жанна согласилась.

Новый приезд в Орлеан стал высшей точкой славы Жанны дез Армуаз, но, как это часто бывает со славой в зените, и началом ее угасания. Обещанная Жилем де Рецем встреча с Карлом VII состоялась в конце сентября 1439 года в саду члена орлеанского магистрата Жака Буше. Помимо короля и самой Жанны-2, на ней присутствовали люди, хорошо знавшие Жанну д'Арк, в том числе Жан Дюнуа, по прозвищу Бастард (Незаконнорожденный), один из самых известных ее боевых соратников, принц Шарль Анжуйский, архиепископ Реймский Реньо, принимавший участие в коронации дофина Карла, Жан Рабато из Пуатье, у которого Жанна жила в 1429 году. Здесь же был камергер Карла VII Гийом Гуффье де Буази, который прежней Жанны не знал, зато оставил запись об этом свидании. Согласно ей, кстати, никто из названных людей не усомнился, что перед ними подлинная Жанна.

Но главной, конечно, была реакция короля, который, как и при первой встрече с Жанной д'Арк в Шиноне, укрылся за спинами придворных. Однако Жанна-2, в точности как и Жанна-1 в свое время, без колебаний направилась прямо к Карлу, чем, по словам де Буази, «он был поражен». Сходством нынешней Жанны с прежней, по-видимому, тоже, учитывая, что ласково заговорил с ней и назвал ее, уже мать двух сыновей, Девственницей.

Вообще, современному человеку трудно представить, как можно без сопутствующего инфаркта разговаривать с кем-то, кого уже несколько лет обоснованно считали мертвым. Но современному человеку трудно представить и то, как можно было отдать под командование семнадцатилетней отроковицы, пусть и уверяющей, что разговаривает со святыми, армию в 10–12 тысяч человек. Вещи объяснимые и понятия необъяснимые в то время еще сосуществовали друг с другом, не разойдясь по разные стороны реальности, как ныне. Между человеком и Богом еще не лежало расстояние, теперь преодолеваемое порой ценой потери рассудка.

Карл VII не просто верил, что Жанна д'Арк — посланница Бога, ему, счастливцу, довелось весьма быстро убедиться, короновавшись в 1429 году в Реймсе, что ее пророчества сбываются. Думается, в поведении Карла мало бы что изменилось, если бы даже он знал наверняка, что Жанна не спаслась от костра, а воскресла. Ведь для Бога нет ничего невозможного.

Таким образом, первое испытание Жанна дез Армуаз прошла успешно, хотя, надо признать, сделать ей это было легче, чем Жанне-1, которая портретов Карла не видела, в отличие от Жанны-2. А вот со вторым испытанием вышла заминка. Король, согласно де Буази, «сказал ей очень ласково, поклонившись: “Девственница, душенька моя, добро пожаловать, во имя Господа нашего, ведающего тайну, которая есть между вами и мной...”».

Намек был весьма прозрачный. Речь, конечно, шла о той тайне, которая, согласно протоколам Руанского процесса над Жанной, очень интересовала в 1431 году англичан и руанских судей Жанны. Тогда, однако, «на вопрос, какой знак она дала своему королю в подтверждение того, что она пришла от Бога, она ответила: “Я всегда вам отвечала, что вы не вырвете у меня этого признания. Идите узнавать у него самого”». Теперь же сам король пожелал узнать это у Жанны дез Армуаз в подтверждение того, что она и есть Жанна д'Арк.

Как и некогда в Шиноне, они отошли в сторону — в беседку неподалеку. Но Жанна-2 шинонской тайны, похоже, не знала, поскольку ничего не ответила Карлу, а только, как написал де Буази, «преклонила колени».

На том и расстались — наверное, не очень довольные друг другом. На войну, впрочем, король Жанну дез Армуаз вместе с Жилем де Рецем отпустил. Они сражались с англичанами в Пуату, но того успеха, как десять лет назад, не имели, и уже в следующем году Жиль вернулся в Машкуль, а Жанна отправилась в Париж, где ее еще не приветствовали.

Это, скорее всего, не понравилось королю, как и то, что в «Мистерии об осаде Орлеана», которую он вместе со всеми Генеральными Штатами смотрел в Орлеане 30 сентября 1439 года, Жанну именовали «Дамой Жанной, Благородной Принцессой, Благороднейшей и Превосходной Принцессой». В ту пору к подобным титулам относились очень серьезно, и незаконное употребление их каралось тюрьмой. Допустим, мученически погибшей Жанне д'Арк все прощалось, но ведь слово «Дама» говорило о том, что речь идет о живой Жанне дез Армуаз. В Орлеане Карл смолчал, не попеняв на это обстоятельство организатору мистерии де Рецу, но в Париже ему никаких «Превосходных Принцесс» явно не требовалось — кроме тех, что уже имелись в наличии.

По распоряжению Парижского парламента, высшей судебной инстанции Франции (не путать с законодательным учреждением), отданного, по всей вероятности, с согласия короля, Жанну-2 взяли в пути под стражу и доставили в крепость. Здесь ее стали допрашивать юристы, богословы и специалисты по ересям Парижского университета, которые еще в 1431 году оказывали услуги Руанскому суду над Жанной д'Арк, покрыв себя несмываемым позором. Тогда, направляемые англичанами, они доказывали, что Жанна — ведьма, а теперь, по иронии судьбы, им предстояло доказать, что Жанна дез Армуаз — не Жанна д'Арк. По преданию, Жанна-2, припертая к стенке, раскаялась в самозванстве, была приговорена к позорному столбу, но ненадолго: учитывая «чистосердечное признание», вскоре ее отпустили домой, к мужу и детям.

Это самое темное место во всей истории Жанны дез Армуаз, поскольку о нем не сохранилось ровным счетом никаких документов и протоколов, в отличие, скажем, от Руанского суда. Если парижский эпизод и имел место, то его никак нельзя назвать разоблачением Жанны-2, потому что никто не отменил записи в ее брачном контракте с Робером дез Армуазом и в дарственной последнего, что она — Жанна дю Лис (дворянская фамилия, пожалованная королем Жанне д'Арк и ее братьям), Дева Франции. В летописи настоятеля собора Святого Тибо в Меце, венчавшего дез Армуазов, тоже указано, что Робер сочетался браком с «Жанной Девственницей».

Никто не отменял и герб Жанны дез Армуаз, соединенный после замужества с гербом супруга, — «щит, украшенный золотом, серебряной шпагой с ляпис-лазурью и увенчанный короной в обрамлении двух золотых лилий», — а это герб Жанны д'Арк дю Лис, данный ей королем при возведении в дворянство.

Дальнейшая судьба Жанны дез Армуаз покрыта мраком. По одной версии, она умерла в 1446 году в семейном замке, по другой — пережила мужа и в 1450 году снова вышла замуж — за знатного орлеанца Жана Луилье, некогда преподнесшего ей блюдо с золотыми монетами, по третьей — Робер дез Армуаз, узнав об обмане, отправил Жанну-2 в сумасшедший дом близ Брие. О сыновьях ее тоже ничего не известно: наверное, они не дожили до совершеннолетия, потому что на родословном древе дез Армуазов отсутствуют.

Но самое удивительное, что, когда Жанна дез Армуаз умерла или канула в безвестности, никто, даже те, кто ранее признал в ней Жанну д'Арк и беседовал с ней подолгу, не смог рассказать о том, что же она, собственно, им говорила. Ни слова! А ведь она пребывала в публичном амплу Жанны-1 четыре года! Только Жиль де Рец поведал своему домашнему прорицателю Франческо Прелати, что Жанна-2 напороочила ему, будто судьба его окажется в руках некоего Аббе. Сам он полагал, что она предсказала ему судьбу монаха — то есть аббата. Поскольку «абба» — по-древнееврейски «отец», речь могла идти и о том, что Жиль попадет в руки Бога Отца, — но это даже не предсказание, ибо в ту пору почти все верили, что рано или поздно попадут в руки Бога.

Впоследствии смутное пророчество Жанны дез Армуаз сыграло совершенно неожиданную роль в жизни маршала де Реца.

Маршал и его свита

Места в сеньории Рец по нижнему течению Луары мрачноватые: скалы, дико торчащие из воды, как растопыренные пальцы утопающего, однообразные дюны, сосны, альбатросы, высокие печные трубы из дикого камня, извилистые дороги через поросшие желтым дроком поля, утлые рыбацкие челны на великой, равнодушно катящей свои серые волны в Бискайский залив реке, скучные каменные городишки...

Но все менялось, когда в них появлялся со своей свитой сам грансеньор* — маршал Франции Жиль де Монморанси де Лаваль, граф де Бри-

---

* *Грансеньор* (лат.) — в Западной Европе в Средние века: а) феодал, земельный собственник (собственник сеньории), в зависимости от которого находились крестьяне (а часто и горожане); б) феодал, в личной зависимости от которого находились более мелкие феодалы — вассалы.

ен, барон де Рец. О, что это была за свита! Такой не было ни у местного герцога, ни, может быть, у самого короля. Что за рыцари ехали впереди под маршальским штандартом — рослые, могучие, в сияющих доспехах! Что за кони были у них! Даже цыгане, знавшие толк в лошадях, особенно ворованных, в изумлении разевали рты. Да что там доспехи и кони? Богатых людей выдвигали на Луаре, а таких отрядов — нет. Как скакал он, дробно грохоча подковами по старинной мостовой и слитно, точно оркестр, позвякивая вооружением, и даже кони шли в ногу!

Вот ударил колокол на соборной колокольне, прямоугольной, многоярусной, знавшей еще времена Карла Великого, веером полетели в небеса голуби и сутулое воронье, и всадники через городские ворота втянулись в кривые улочки, под стены домов, почти лишенных с уличной стороны окон, как в римские времена. И серый, закованный в камень городок преобразался. Какие лица! Какие краски! Начищенные латы — так что глазам больно от играющих в них солнечных зайчиков, атлас, парча, бархат, разноцветные плюмажи, драгоценные камни в эфесах и ножнах мечей, серебряные шпоры! Идут, идут в строю по двое грозные рыцари грансенъора, и кажется, нет им конца! Растянулись от городских ворот до соборной площади! Но рыцари — это еще не вся свита де Реца. За ними — толпа пажей, дворян, аббатов, певчих, звездочетов, лицедеев...

А впереди, конечно, сам маршал, советник короля, победитель англичан при Луде, Реннефоре, Маликорне, Орлеане, Жаржо, Божанси, Патэ, соратник Жанны д'Арк, ее телохранитель и военный наставник и один из немногих полководцев, пытавшихся спасти Деву. Грансенъор имел внешность внушительную, подобающую воину и вельможе: пристальный взгляд темных глаз, брови вразлет, основательный, царящий на лице, как восклицательный знак, нос, сильная нижняя челюсть. Волосы у барона были светло-каштановые, длинные, но спереди подстриженные коротко, того же цвета усы, довольно редкие, что соответствовало вкусам того времени, когда многие аристократы, начиная с короля, щеголяли и вовсе без усов, и бородка клинышком с эспаньолкой.

Единственное, что оправдывало прозвище Жиля — Синяя Борода, — так это то, что бородка его была заметно темнее волос, бровей и усов, что Лермонтов (говоря, правда, не о бороде, а о темных бровях Печорина) считал признаком породы. И впрямь, в лице де Реца, задумчивом и даже печальном, была необходимая и, может быть, более уместная для особы королевской крови величавость. Не случайно на известном испытании Жанны д'Арк в Шиноне, когда она должна была найти невзрачного дофина Карла в толпе придворных, на его трон посадили именно породистого Жиля.

Сказать, что поглазеть на маршальскую кавалькаду сбегались тучи народа, — ничего не сказать. Однако внимательный глаз мог бы заметить следующее: в городках на Луаре жили и небедные люди, а встречали процессию у городских ворот, если не считать отцов города, духовенства и выборных от цехов, главным образом несметные стаи нищих, знавших о щедрости грансенъора и его слуг. Да и на улицах приветствовали великолепный кортеж лишь черные улыбки бедняков и подмастерьев (ибо у одних зубы выпали от старости и болезней, а другим их выбили свои же братья-подмастерья еще в ученичестве).

Конечно, на соборной площади и в самом соборе публика была почище, но, в отличие от клошаров* и прибывших на торжество пешком запы-

---

* *Клошар* — нищий бродяга, живущий во Франции.

ленных и воняющих чесноком крестьян, какая-то невеселая и молчаливая, даже, можно сказать, мрачная. Казалось, многие здесь по необходимости, а не по собственному желанию.

А в один из наездов барона произошло вот что: когда он спешился у соборной паперти, какая-то худая женщина в черном протянула к нему руку из-за спин стоявших в оцеплении стражников и закричала:

— Мое дитя! Верни мне мое дитя!

По толпе прокатился то ли вздох, то ли стон, вопящую женщину тут же оттащили стражники, барон же только покосился в ее сторону, кинул поводья оруженосцу, снял шлем и вошел в собор.

Пес Господень

Герцог Бретани Жан V пригласил к себе отца Жана Блуэна, наместника великого инквизитора Франции в Нанте.

Блуэн был неплохим психологом (да и служба к этому обязывала), поэтому он особенно не ломал голову над тем, зачем его вдруг позвал герцог, а спокойно ожидал, сложив руки на коленях, когда Жан V перейдет наконец к делу.

Сорокалетний Блуэн внешность имел скромную, типично монашескую: непроницаемое бритое лицо с тонким хрящеватым носом, поджатые губы и умные глаза, живой блеск которых он, казалось, пытался скрыть под опущенными веками. Был он, как и положено доминиканцу, в белой пелерине с капюшоном и белой же сутане, препоясанной кожаным поясом для четок.

На скапулярии* брата Жана — длинной широкой ленте с прорезью для головы — был вышит герб ордена: собака, несущая в пасти горящий факел, отчего доминиканцев прозвали в народе «псами Господними». Любопытно, что и на личном гербе Жана V Бретонского присутствовал пес, означавший преданность, причем преданность беззаветную, ибо герцог попирали его ногами.

Жан V принял инквизитора в знаменитом парадном зале своего дворца, под перекрещенными в высоте дубовыми балками. Этикет XV века не сокрушила и Столетняя война: сначала приветствия и любезности, потом угощение гостя вином, сопровождаемое взаимными вопросами о здоровье и состоянии дел.

Однако чем дольше длился этот церемонный разговор, тем яснее становилось отцу Жану, что повод для вызова весьма серьезен, ибо читалось в лице герцога Жана, коренастого немолодого мужчины с кустистыми бровями и Дантовым, напоминающим топор-колун носом, внутреннее напряжение.

Да и облачен он был слишком официально для простого дела — в герцогскую мантию из горносталя (к слову сказать, она была вся горностаевой, как того требовала геральдика Бретани). Бретонские герцоги кичились древностью рода и почитали себя если не потомками, то преемниками легендарного короля Артура. Ведь бритты, изгнанные англосаксами со своего острова около тысячи лет назад, переместили сюда через Ла-Манш и топонимы вроде Британии и Корнуолла (звучащими на французский лад

---

* *Скапулярий* (лат.) — в католицизме название элемента монашеского одеяния, впоследствии перешедшее также на особый, освященный предмет (малый скапулярий), носимый католиками по обету.

как Бретань и Корнуэй), и самого короля Артура с его двенадцатью рыцарями, круглым столом и самайнами-хеллувинами* колдуна Мерлина.

Наконец наступила пауза. Жан V погасил приятную улыбку на устах, откашлялся и сказал:

— Миру на землях наших часто угрожает не только война, но волнения умов. Вспомните, отче, Жакерию. Мы порой не слышим гула недовольства в народе, а когда наконец слышим, уже бывает поздно. А нам дремать нельзя: на южных рубежах наших, в Пуату, еще идет война. И война, и мятеж сами по себе тяжелы, но когда они соединяются вместе, нет испытания ужасней.

— Вы полагаете, сир, в Бретани могут начаться какие-то волнения народа? — осторожно спросил Блуэн.

— Они всегда могут начаться в стране, где вот уже сто лет идет война. Сражающиеся армии живут за счет местного населения. Ныне эти тяготы в Бретани ощущаются не так сильно, как, скажем, в Ля-Рошели. Но иногда людей возмущает не то, к чему они привыкли за долгие десятилетия, а нечто для них непостижимое, выбивающее из привычного представления о законе и морали. А если еще это непостижимое начинает обрастать слухами... Не буду ходить вокруг да около, отец. У нас уже несколько лет бесследно исчезают дети. Особенно на правом берегу.

— Да, я слышал, — печально кивнул отец Жан. — Но ведь так всегда происходит в войну. Женщин, детей крадут, забирают в рабство. В Париже, я слышал, есть тайный рынок для торговли детьми.

— Это так. Но, если доходящие до нас слухи верны, ничего подобного в Бретани не было, даже когда война вплотную подступала к нашим границам. Тут что-то нечистое, не связанное с обычным похищением детей.

— Вот как... Стало быть, сир, оказав мне честь позвать к себе, вы думаете, что это связано с колдовством и нечистой силой?

— Не исключено. Это я и хотел попросить вас выяснить. Самые невероятные слухи относительно похищения детей ходили давно, но вы не хуже меня знаете склонность народа к страшным сказкам. И вот недавно произошло событие, никакого отношения к несчастным детям, казалось бы, не имеющее. Один знатный дворянин, наш вассал, на невероятную расточительность которого жалуются его родственники, продал, будучи кое-чем обязан нам, свой замок нашему доверенному лицу, а потом, недовольный, очевидно, условиями соглашения, снова захватил его. Угрожая оружием, он выгнал из местной церкви управителя замка, священника, и взял его в заложники. Это — преступление. Мы направили к замку войска, дав понять, что не остановимся перед штурмом. Слава богу, благодаря вмешательству брата нашего, коннетабля Франции Артура де Ришмона, военного столкновения удалось избежать, мажордома освободили, и дело перешло в суд. Но, как только господин де Тушерон начал расследование происшествия, епископу посыпались на этого дворянина более страшные обвинения.

Блуэн поднял веки и взглянул прямо в глаза герцогу:

— В похищении детей, как я понимаю.

— Да. И в умерщвлении этих детей. А еще в колдовстве, алхимии, чернокнижии, содомии и сатанизме.

Отец Жан поднял брови, потом снова прикрыл веками глаза:

— Позвольте спросить, сир: найдены ли тела этих несчастных?

---

* *Самайн* — кельтский праздник окончания уборки урожая. Знаменовал собой окончание одного сельскохозяйственного года и начало следующего.

— Нет, ни единого. Все обвинения висят в воздухе. Но почему они сосредоточены на одном человеке? Вы не хуже меня знаете, что обычно в похищениях христианских детей и их ритуальном убийстве обвиняют евреев. В этой же истории такого не случилось ни разу. Здесь, мне кажется, больше чертовщины, нежели обычного злодейства. Рассказывают, в замке означенного рыцаря есть особая башня, из окна которой по ночам доносятся пронзительные крики и видны вспышки красного пламени. Я считаю себя верным сыном нашей Церкви, отче, но мало что смыслю в вещах, пахнущих адским пламенем и серой, оттого нуждаюсь в человеке вашего опыта, чтобы разобраться во всем этом.

Блуэн встал и поклонился:

— Ваша просьба, сир, великая честь для меня. Но я не дерзаю братья за такое дело без благословения правящего епископа...

Жан V кивнул:

— Вы получите указания от преосвященного Жана де Малеструа согласно всем вашим правилам. Епископ Нантский и требует подобного расследования, вместе с нашим великим сенешалем Пьером де Л'Опиталем. Ведь обвинения и жалобы в основном поступали им. Но мне, прежде чем вы предстанете перед своей духовной властью, хотелось переговорить с вами с глазу на глаз. Это следствие, которое вы поведете рука об руку со светскими властями, неизбежно затронет не только ту сторону жизни, что связана с преступлением против законов Божьих и человеческих. Дворянин, которого обвиняют в столь тяжких преступлениях, — известный во Франции вельможа, полководец, герой войны...

«И твой родственник», — добавил про себя инквизитор.

— ...и у него найдутся защитники, весьма влиятельные, не исключен даже политический скандал. Я специально не называю вам имя этого дворянина, чтобы не дать повода обвинить меня в предвзятости к нему. Вы сами его узнаете, когда приступите к следствию. Я не призываю, чтобы расследование велось с заведомо обвинительным уклоном против него, но не призываю, естественно, и к заведомо оправдательному: я хочу, чтобы оно было справедливым и пресекло брожение умов. Если этот мессир* виновен, то он ответит строго по закону, если же не виновен, то незачем заранее порочить его имя. Поэтому я настаиваю на тайном расследовании, чтобы пострадавшие и свидетели давали клятву о неразглашении показаний.

«Ага, понятно, — подумал Блуэн. — Ты хочешь справедливости и торжества закона, но при этом чтобы все шишки сыпались на меня».

Покосившись на гобелен за спиной Жана V, где тот взгромоздился на терпеливую собаку, он поправил на груди скапулярий с изображением пса с факелом и тихо сказал:

— Прошу извинить мне мою дерзость, государь, но подобное расследование неосуществимо, если этого дворянина не возьмут под стражу, а в его замках не проведут обыски.

Герцог нахмурился:

— Однако, насколько мне известно, святая инквизиция успешно проводит дознание и не задерживая обвиняемого, а только вызывая его на допросы.

— Верно, сир, — почтительно склонил голову отец Жан. — И лично сам я предпочитаю последнее. Но обвиняемый обвиняемому рознь, как

---

* *Мессир* (итал. *messère*, фр. *messer* — господин) — обращение к именитому гражданину в средневековых Италии и Франции.

вы совершенно справедливо заметили. Данного мессира нельзя оставлять на свободе по двум причинам. Вот первая: если это тот человек, о котором я подумал, то у него есть замок в королевском домене, вне пределов вашей сиятельной власти. Велика вероятность, что он, узнав об открывшемся против него расследовании, да еще с такими тяжкими обвинениями, быстро переберется вместе со своими рыцарями в этот замок. И тогда на следственные действия нужно будет получить разрешение его величества короля и господина великого инквизитора Франции. Как скоро они дадут такое разрешение и дадут ли вообще?

— Едва ли скоро, — проворчал Жан V. — Какова же другая причина?

— Ваша светлость соизволили невероятно польстить мне, многогрешному, упомянув о моем опыте расследований преступлений против веры и добрых христиан. Но если у меня и имеется кое-какой опыт, то он говорит вот о чем: те люди, что обвиняют сегодня известного нам вельможу в письмах епископу и великому сенешалю, на допросах будут отвечать нечто маловразумительное, зная, что сей грозный вельможа на свободе.

— Но ведь для ареста одних обвинений явно недостаточно. Это все слухи, не подкрепленные пока уликами, — не уступал герцог.

— Улики, сир, редкая вещь, когда мы имеем дело с матерыми преступниками, злодеями и еретиками. Чаще всего их удается изобличить, обвинив сначала в других преступлениях, которые они совершили, даже не заметив того. Ведь эти люди уделяют основное внимание сокрытию следов главных преступлений, а не тех, что они в своей сатанинской гордыне почитают второстепенными. Тот мессир, о котором мы с вами ведем речь, явно не считал большим преступлением нападение на вашего вассала и его имущество. Однако рискну предположить, недостойный, что менее влиятельный дворянин, чем наш имярек, давно был бы заточен вами за это в крепость. Если вам нужно законное основание для ареста, то лучшего сейчас не найти. Иначе следствие не стоит и начинать, ибо оно причинит ущерб и вашему авторитету, и авторитету святой инквизиции. Такова моя позиция, которую я готов изложить также и его преосвященству епископу, и господину великому сенешалю.

Жан V задумчиво молчал, глядя куда-то в сторону. Дело в том, что и епископ, и великий сенешаль считали точно так же.

Арест Жиля де Реца

Бретонский герцог поступил так, как поступал всю жизнь, за что его прозвали Мудрым, хотя следовало бы Хитрым. Скажем, в войне с англичанами он был вроде бы за Карла, но в битвы не ввязывался, войск не выставлял, только разрешал своим дворянам воевать за короля добровольцами (одним из них был молодой де Рец). Впрочем, в 1415 году герцог двинул свое войско на помощь французам под Азенкуром, да так своевременно, что оно опоздало.

Вот и сейчас он послал для ареста маршала де Реца отряд не великий и не малый — двадцать человек. Отбивать у барона замок Мельмор он отправил куда больше. Несмотря на настояние Блуэна, приказ произвести в Машкуле обыск Жан V возглавлявшему отряд сержанту не дал. Да и никакой возможности сделать это, как, впрочем, и осуществить арест, стража герцога не имела: в замке у де Реца было сотни две хорошо